

— Брат, сегодня он должен умереть, — Лу Цинмин смотрел на Лоу Синхуаня, его взгляд был мрачным, а кулаки сжаты до хруста.

Приёмный сын и сводный брат появились в один день, словно ждали его возвращения.

Только вернувшись на родину, Лу Бинъюнь столкнулся с таким «приёмом». В душе у него словно опутался клубок ниток, запутанных и не поддающихся развязыванию.

Хотя он держал в руках самый первый конец этой нити.

Лу Бинъюнь глубоко вздохнул:

— Твои дела с нашей семьёй Лу не должны вовлекать посторонних.

Лоу Синхуань и не думал позволить ему остаться наедине с Лу Цинмином. Он намеренно вмешался, причём его слова были особенно искусны:

— Но, отец, он не оставит меня в покое.

— Да, он прав, — Лу Цинмин засмеялся, его смех был полон ярости. — Я не оставлю его в покое.

Он поднял руку, и окружающие его люди в белых одеждах подняли луки, нацелив их на Лоу Синхуаня.

Лу Бинъюнь холодно произнёс:

— Ты посмеешь!

Лу Цинмин на мгновение замер, его взгляд стал рассеянным:

— Брат, ты говорил, что не будешь злиться на меня из-за других.

Глаза Лу Бинъюня, обычно мягкие, как персиковые цветы, теперь были полны резкости и холодности:

— Если бы я тогда знал, каков ты на самом деле, ты бы даже не переступил порог дома Лу.

Это был первый раз, когда Лу Бинъюнь так откровенно говорил с ним.

Губы Лу Цинмина побелели:

— Десять лет назад я должен был предотвратить твой вход в дом князя Цина.

Теперь, оглядываясь назад, казалось, что все изменения начались с того дня. Любовь и доверие Лу Бинъюня к нему, казалось, исчезли в тот день.

Тогда он думал, что Лу Бинъюнь просто был не в настроении. Ведь Лу Бинъюнь никогда не позволял себе страдать и не пытался скрывать свои эмоции, чтобы угодить другим. Кто бы его ни разозлил, тот непременно получал его гнев.

Оказывается, он уже тогда раскрылся?

Так значит, все эти десять лет, всё, что он считал прекрасным в его сердце, в глазах Лу

Бинъюня было лишь притворством и игрой? Он был слеп и глух, чтобы это увидеть, или же намеренно закрывал глаза?

Лу Бинъюнь молчал.

Лоу Синхуань взглянул на его лицо и вдруг сказал:

— Все твои поступки, каждый из них, ты думал, что сможешь скрыть, а потом явиться перед ним с покорностью и лестью? В мире нет такого чуда. Лу Цинмин, если не хочешь, чтобы узнали, не делай.

— Какие плохие поступки я совершил, это мой брат будет решать, посторонним здесь не место, — Лу Цинмин холодно усмехнулся.

Взгляд Лоу Синхуаня стал ледяным:

— Он действительно твой брат? Ты сам это знаешь.

— Схватите его! — Лу Цинмин махнул рукой, холодно приказав.

Как только его слова прозвучали, стрелы полетели, словно дождь, направляясь к Лоу Синхуаню.

Лоу Синхуань двинулся, надёжно прикрывая Лу Бинъюня, и вытащил меч, чтобы отразить все стрелы.

Мечи сверкали, сухие деревья падали.

Снег тихо падал в лесу, и в тишине поднималась волна убийственного намерения.

Лу Цинмин попытался схватить Лу Бинъюня и потащить к себе, но тот ловко увернулся, оставив его с пустыми руками.

Лёгкая стрела из рукава пролетела мимо его уха, и в уголке глаза он увидел взгляд Лу Бинъюня, полный убийственного намерения. Его лицо резко изменилось.

— И-и-и! — Чёрный конь громко заржал, подняв передние копыта.

Люди Лу Цинмина, опасаясь ранить Лу Бинъюня, имели очень ограниченную дальность стрельбы.

В мгновение ока Лоу Синхуань и Лу Бинъюнь уже были на лошади, словно стрела, выпущенная из лука, и исчезли из их поля зрения.

Фигуры двух всадников казались единым целым.

Глаза Лу Цинмина стали мрачными, он тут же вскочил на коня и погнался за ними.

Но через мгновение они исчезли в лесу, словно никогда и не были здесь. На снегу не осталось ни следа копыт.

После долгой тишины подчинённый из царства Янь подошёл и спросил:

— Ваше высочество, продолжать поиски?

— Ищите, — Лу Цинмин усмехнулся, его улыбка была похожа на мак, окрашенный кровью. — Кроме моего брата, всех остальных убить без раздумий.

— Слушаюсь!

На земле лежал толстый слой снега.

Под склоном, покрытым снегом, Лоу Синхуань обнял человека в своих объятиях и только после того, как шаги затихли, отпустил его:

— Как ты? Ты не ранен?

Лу Бинъюнь покачал головой.

Он, казалось, о чём-то думал, тихий и спокойный. Его красная одежда была ярче клёна, а длинные волосы, покрытые снегом, казались ещё чернее. Кожа была белой, как нефрит, делая окружающий пейзаж блеклым.

Он молчал, и это место казалось погружённым в тишину.

Чем дольше Лоу Синхуань смотрел на него, тем сильнее становились его желание и фантазии.

Неудивительно, что Лу Цинмин так одержим.

Тот, кто однажды насладился его светом в темноте, никогда не сможет отпустить.

Лу Цинмин был таким, и он тоже.

Просто он встретил Лу Бинъюня позже, чем Лу Цинмин, и был более проникновенен в понимании его характера, более склонен терпеть ради него.

Через некоторое время Лоу Синхуань отвёл взгляд и тихо сказал:

— Отец, не грусти.

— Я не грущу.

Он уже собирался встать, но Лоу Синхуань вдруг снова наклонился, прижав палец к его губам, призывая молчать.

Сверху снова прошли люди, и раздался знакомый голос:

— Третий молодой господин Лу.

Лу Бинъюнь моргнул.

Это был Гу Юньсы.

Неизвестно, что он сказал Лу Цинмину, но Лу Бинъюнь почувствовал, что атмосфера наверху стала напряжённой. Затем Лу Цинмин холодно произнёс:

— Тогда будьте добры, позаботьтесь о нём, молодой господин.

— Естественно.

Они ушли.

Как Гу Юньсы оказался здесь?

Лу Бинъюнь посмотрел на Лоу Синхуаня.

Лоу Синхуань слегка улыбнулся:

— Я приказал следить за Лу Цинмином и узнал, что в последнее время он общался с людьми из царства Янь. Молодой господин Гу, возможно, тоже заметил, что с ним что-то не так.

К тому же сегодня Лу Бинъюнь вернулся, и все, кто был заинтересован, естественно, следили за этим.

Поэтому он, Гу Юньсы и Лу Цинмин заранее подготовились, не только опасаясь, что дом графа Линь может пойти на отчаянные меры, но и боясь заговора иноземцев.

Лу Бинъюнь кивнул.

Только теперь, придя в себя, он заметил, что их поза была немного странной.

Он сидел на снежном холмике. Чтобы их не увидели сверху, они были очень близко друг к другу. Лоу Синхуань опирался руками по бокам, и, казалось, ему было жарко. Он наклонился к Лу Бинъюню, но не совсем приблизился. Его длинные волосы свисали, переплетаясь с его собственными, и казалось, что даже дыхание касалось его уха, горячее и жгучее.

Лу Бинъюнь невольно вздрогнул.

Он никогда не любил быть так близко к кому-либо.

К тому же его уши были чувствительными, и когда горячее дыхание касалось их, его обычно белые, как нефрит, уши покраснели, приобретая живой розовый оттенок.

Лоу Синхуань сглотнул, его голос стал хриплым:

— Брат Юнь...

Чувствуя знакомый аромат Лу Бинъюня, он почти сразу же возбудился. Он уже собирался встать, чтобы скрыть это, но увидел, что брови Лу Бинъюня слегка нахмурились, и тот схватил его за руку:

— ...Не двигайся.

Неизвестно, чье сердцебиение и дыхание были слышны, словно они шли по лезвию ножа, балансируя на тонком льду.

Хрусть! — Снежный ком под их ногами треснул и начал смещаться, готовый вот-вот развалиться.

— Осторожно!

Они почти одновременно бросились друг к другу.

Лоу Синхуань был быстрее, первым прикрыв Лу Бинъюня.

Они покатались вниз по склону вместе с обвалившимся снегом.

К счастью, они ещё не добрались до царства мёртвых, и вскоре остановились.

Как только они остановились, по инерции лоб Лу Бинъюня ударился о грудь Лоу Синхуаня, твёрдую и болезненную. Прежде чем головокружение прошло, он поднял голову и торопливо спросил:

— Лоу Синхуань!

Лоу Синхуань закрыл глаза, крикнув, как будто ударился обо что-то, но его руки, обнимающие Лу Бинъюня, не разжались.

Пока они катились вниз, он одной рукой надёжно прикрыл голову Лу Бинъюня, а другой обнял его за талию. Лу Бинъюнь чувствовал, будто его обернули толстым одеялом, защитив от всех твёрдых предметов.

— Малыш, как ты? — Лу Бинъюнь слегка приподнялся и, взглянув вверх, увидел кровь на лбу Лоу Синхуаня.

Лу Бинъюнь поспешил осмотреть его.

Кровь текла сильно, ярко-красная и резкая. Вероятно, он порезался об острый камень, когда катился вниз, но, к счастью, не повредил мозг.

Лу Бинъюнь облегчённо вздохнул и похлопал его по руке:

— Отпусти меня, я остановлю кровь.

Но Лоу Синхуань не отпустил, бормоча:

— Отец, у меня сильно болит лоб.

— Вернёмся, я наложу тебе мазь.

Лоу Синхуань сел, упираясь головой в его плечо, и с детской наивностью пробормотал:

— У меня не останется шрама?

— Не останется, — Лу Бинъюнь терпеливо ответил.

Вдруг он вспомнил что-то и посмотрел на ноги Лоу Синхуаня:

— Кстати, с твоей ногой всё в порядке?

В его памяти, согласно прошлой жизни, в это время Лоу Синхуань снова получил травму, и самой серьёзной из них была правая нога. По сравнению с тем, когда умер князь Цин, эта травма была гораздо серьёзнее и повлияла на его дальнейшую жизнь.